

УДК 94

А.Б. Подцероб

ОТКРЫТИЯ САХАРЫ

Да, именно так — «открытия», а не «открытие», ибо Великую пустыню открывали трижды — в античный период, в средние века и в новое время.

Первыми начали проникать в Сахару египтяне, завязавшие торговые связи с племенами Западной пустыни. Объединение Верхнего и Нижнего Египта, существенно усилившее его военный потенциал, дало возможность осуществлять уже не только торговые, но и военные экспедиции, из которых войска возвращались с рабами, крупным рогатым скотом, козами, овцами, ослами. О масштабах этих набегов свидетельствует поход фараона Сахура в XXVI в. до н. э., в результате которого было захвачено 800 тыс. голов скота [9. С. 16].

Одновременно продолжали предприниматься и масштабные торговые экспедиции. В XXIII в. до н. э. правитель Элефантины совершил четыре путешествия в Нубию. Он прошел 1,5 тыс. км на юго-запад через оазисы Дункуль и Селима и достиг находившейся на восточных склонах Дарфура столицы страны Иам, откуда вернулся с ладаном, эбеновым деревом, шкурами леопардов и слоновыми бивнями, а также с пигмеем, которого он преподнес в дар фараону Пиопи II [9. С. 14–15].

После появления на побережье Северной Африки финикийских колоний и возникновения Карфагена финикийские купцы стали пересекать Сахару по путям, проложенным гарамантами. Проникая в Западный Судан, они доходили до Нигера, вывозя оттуда золото, слоновую кость, экзотических зверей.

Первое из дошедших до нас описаний Сахары дал «отец истории» Геродот, основываясь на сведениях, полученных им от жрецов Элефантины, куда он добрался в 448 г. до н. э. Геродот пишет о холмистой песчаной пустыне, занимающей все пространство от Египта до Геркулесовых столпов [9. С. 87–88]. Цитируя Гомера, он отмечает, что с запада долину Нила ограничивают «в зыбком песке глубоко погребенные горы» (действительно, высота барханов в некоторых частях Ливийской пустыни достигает 300 м) [9. С. 87–88].

Для европейцев пересечение Великой пустыни стало возможным после покорения римлянами Гарамантиды. Римские купцы освоили пути, ведущие с побережья Средиземноморья в Гараму, а некоторые из путешественников, например Септимий Флакк и Юлий Матерн, добивались вместе с гарамантами до Западного Судана.

Падение Рима, установление вандалами господства над Северо-Западной Африкой, упадок и гибель Гарамантиды повлекли за собой утрату знаний о Великой пустыне и лежащих за нею странах. Впрочем, завоевавшие в VII в. Северную Африку и являвшиеся сами выходцами из аравийских пустынь арабы быстро освоились с Сахарой. Уже возглавлявший арабскую армию эмир Окба ибн Нафия, разгромив гарамантов, пересек пустыню и достиг оазисов Кавар, находящихся в 1400 км к югу от побережья Средиземного моря.

Арабские купцы стали использовать шесть древних караванных путей через Сахару [9. С. 125]. Они повторно открыли Западный Судан, которому и дали его современное имя — Биляд ас-Судан, т.е. Страна Черных. Арабы хорошо ознакомились с южными, переходящими в сухую саванну районами Сахары, назвав их Сахелем, т.е. Побережьем [пустыни]. Более того, именно они присвоили Великой пустыне имя Сахара (Ас-Сахара), т.е. Пустыня. Уже в VIII в. арабские купцы достигли страны Лукар (совр. Гана), откуда в обмен на серебро, медь, а также сельскохозяйственные товары вывозили золото и рабов [9. С. 191]. В IX в., пройдя «по песчаной местности и зыбучим пескам», арабы проникли в Нигер и доставили в Марокко первые сведения о стране Малал (совр. Мали) [9. С. 192]. Там они основали несколько факторий, сыгравших важную роль в исламизации Черной Африки. С этого времени началось интенсивное использование путей из Марокко через эрги Эгиди и Шеш до Томбукту наряду с древней гарамантской дорогой от Триполи к Нигеру, до Кавара и оз. Чад, а также путем от Хартума через Кордофан и Дарфур к Чаду.

Немалый интерес представляют в этой связи записки марокканского купца Абдаллаха ибн Батуты, который в 1352–1354 гг. пересек Западную и Центральную Сахару, добравшись до Томбукту и Гао, и изложил свои впечатления в книге «Подарок созерцающим о диковинах городов и чудесах путешествий». Он оставил подробное описание оазисов, расположенных в центре Сахары.

Привлекает внимание рассказ Абдаллаха о пересекавших Великую пустыню караванах. До того как пуститься в путь, пишет он, верблюдов несколько месяцев откармливали на пастбищах Северной Африки или Сахеля. Караван, с которым он путешествовал, насчитывал 1 тыс. дромадеров, а в некоторых караванах число верблюдов достигало 12 тыс. Их вели высокооплачиваемые проводники, хорошо знавшие Сахару и населявшие ее племена. Нередко за несколько дней до прибытия в оазис вперед высылали гонцов, с тем чтобы они доставили путникам воду [14].

В то же время каких-то специальных научных целей Абдаллах перед собою не ставил. «Судьба, — пишет академик И.Ю. Крачковский, — сделала из него географа, так сказать, волей-неволей и выработала в нем редкий для арабов тип путешественника ради путешествия, который обрек себя на скитания из неудержимой страсти к ним и любопытства <...> Интерес к местам у него был всецело подчинен интересу к людям, и, конечно, ни о каких изысканиях в области географии он не думал, но, может быть, поэтому его книга оказалась единственным в своем роде описанием мусульманского и вообще восточного общества в XIV веке. Это — богатая сокровищница не только для исторической географии или истории своего времени, но и для всей культуры той эпохи» [6. С. 428].

Пока арабы заново открывали Сахару, в Европе о ее существовании... просто забыли! В 1415 г. португальский принц Генрих, прозванный позже «Мореплавателем», с удивлением узнал во время осады Сеуты от пленных, что к югу от Атласских гор находится огромная пустыня и что арабы направляют через нее караваны к большой реке, откуда доставляют золото и рабов. Эта информация наложилась на библейскую легенду о стране Офир, и, став королем, Генрих решил достичь месторождений золота и мест охоты за рабами морским путем, обойдя Сахару с запада, по Атлантическому океану. В течение 40 лет он посылал для этого одну экспедицию за другой [9. С. 242].

Побудить португальцев плавать вдоль африканского побережья оказалось не так просто. Они были убеждены, что южнее мыса Кабо да Нао (мыса Нет), лежащего на

широте Канарских островов, спуститься невозможно, поскольку океан там заполнен песчаными отмелями и опасными рифами. Более того, существовали опасения, что становящееся все более жарким по мере продвижения на юг солнце высушивает океан. В конце концов психологический барьер был преодолен, и португальские каравеллы устремились вдоль безводного, лишённого каких-либо признаков жизни побережья. Не было ни гаваней, ни устьев рек, где корабли могли бы укрыться от шторма, ни возможностей пополнить запасы пресной воды. С берега налетали хамсины, поднимавшие в воздух тучи песка, который окутывал каравеллы как густой туман. Тем не менее мореплаватели мужественно пробивались вперед и в 1445 г. достигли Зеленого мыса, обогнув Великую пустыню с запада.

Представления о Сахаре оставались в то время крайне смутными. На издававшихся в Европе географических картах повторялись названия одних и тех же давно исчезнувших полуполюгендарных народов — гарамантов, гетулов, лотофагов.

Проникнуть вглубь Великой пустыни европейцам впервые удалось лишь в середине XV в. В 1441 г. португальский мореплаватель А. Гонсалвиш достиг глубоко вдававшегося в океан узкого полуострова, который он назвал Капо Бранко (Белый мыс) из-за покрывавшего его белого песка. Португальцы обследовали близлежащие уэды, но вопреки ожиданиям золота в них не нашли. Тем не менее они назвали открытую ими местность Рио-де-Оро (Золотой рекой).

На берег А. Гонсалвишем был высажен знающий арабский язык моряк Ж. Фернандиш с заданием углубиться в Сахару для поиска золота и сбора сведений об «Индиях» и «Земле священника Иоанна» (Абиссинии) [21. С. 72]. Его сопровождал вождь одного из местных племен, побывавший в Португалии. Путешествие моряка длилось 7 месяцев, по истечении которых он был подобран к югу от бухты Гете (Аргин) португальскими кораблями [9. С. 242]. Он передвигался по пустыне на верблюде с проводником, который ориентировался по звездам и полету птиц. В своих путевых записях Ж. Фернандиш сетует на трудности путешествия «через глубокий песок в давящую жару» [19. С. 19]. Месторождений золота он не обнаружил, зато выяснил, что кочевникам и жителям оазисов его привозят из страны, называемой «Гвинея». Ж. Фернандиш составил описания обычаев племен и фауны пустыни, собрал сведения о плодородной земле, находящейся к югу от Сахары и населенной неграми, о торговле, караванных путях и оазисах. Судя по всему, португальцу удалось достичь Сахеля. Во всяком случае он пишет в своих заметках о стадах газелей и страусов, о ласточках и аистах [21. С. 73].

В получении европейцами сведений о Сахаре огромную роль сыграл Аль-Хасан аль-Феси (Лев Африканский). В начале XVI в. он сопровождал своего дядю, выехавшего с дипломатическим поручением султана Марокко Мухаммеда Португальца в государство Сонгаи в Западном Судане. После этого он побывал в Египте, Ливане, Ираке, Персии, Азербайджане, Армении, Стамбуле, совершил второе путешествие в Судан. Ок. 1520 г. возвращавшийся в Марокко из Египта Аль-Хасан у острова Джерба был захвачен сицилийским капером П. Бовадильей и вместе с жирафом подарен папе Льву X. Находясь в Риме, Аль-Хасан принял христианство и крестивший его папа нарек его Джованни Леоне, дав новообращенному имя своего святого. Вскоре Леоне получил прозвище «Африканский».

В 1526 г. им была закончена книга «Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть», вплоть до начала XIX в. служившая европейцам основным источником знаний об Африканском континенте [13. С. 11]. В ней содержится в том числе и

подробное описание Сахары и населяющих ее племен. «Ливия, — отмечает автор, — страна очень пустынная, сухая и сплошь песчаная. В ней нет ни источников, ни рек, а вода есть только в некоторых колодцах, где она скорее соленая, чем пресная, да и таких немного. Там есть такие места, в которых на протяжении шести и семи дней пути нет никакой воды, и купцам приходится везти ее в бурдюках на верблюдах<...> Купцам очень опасно отправляться в это путешествие в какое-либо другое время года, кроме зимы, потому что тогда дуют или сирокко или южные ветры. Они поднимают столько песка, что засыпают колодцы, и купцы, выезжающие с надеждой найти воду в обычных местах, не узнают ни признака, ни следа колодцев, так как они засыпаны песком, и умирают от жажды. Путешественники часто видят в разных местах, как белеют их кости и кости их верблюдов» [8. С. 44–45]. Рассказывая о собственных путешествиях по Сахаре, он пишет: «Иногда мы теряли дорогу, на которой можно было найти воду, из-за того, что заблудился проводник. В другой раз мы нашли колодцы, засыпанные песком. Иногда проходы к воде удерживали враги, так что было необходимо экономить то немногое, что у нас было, и самое лучшее, что мы могли сделать, — это распределять воду, которой с трудом должно было хватить для питья в течение пяти дней, еще на столько же дней» [8. С. 45].

Хотя Лев Африканский и отмечает, что гиды, бывало, теряли дорогу, в целом он отзываясь о них очень высоко. В частности, он повествует, как некий проводник по имени Амр сбился с пути из-за болезни глаз. Тогда он потребовал, чтобы через каждую милю ему давали песок, который он нюхал. Неожиданно гид заявил: «Знайте, что мы недалеко от населенного места». Ему не поверили, но действительно, пройдя еще 40 миль, караван, углубившийся к тому времени в Сахару на 480 миль, прибыл в оазис [8. С. 30].

Описывая населявшие Сахару племена, Лев Африканский указывает, что многие из кочевников, в частности окба, урва, муслим, дулейм, хададж и др., являются «людьми дикими», «чуждыми всякой человечности», «живущими убийствами и грабежами» [8. С. 28–31]. Вместе с тем он признает, что заниматься набегами их вынуждают нищета, отсутствие каких-либо источников доходов [8. С. 30–31]. Одновременно Лев Африканский констатирует, что не все жители пустыни таковы, характеризуя членов племен бени амир, сувейд, селим как «людей очень храбрых и богатых», «знатных и доблестных», которые «пользуются большим уважением и имеют большое влияние» [8. С. 28–30].

Систематические исследования Сахары европейцами начались в конце XVIII — начале XIX в., когда они, закрепившись на побережье Африки, стали продвигаться вглубь континента. Великая пустыня интересовала их, впрочем, не столько сама по себе, сколько как район, через который пролегал, согласно легендам, пути к богатым золотом странам. В Триполи начиналась древняя караванная тропа, по которой через оазисы Джофра можно было достичь Мурзука — важнейшего торгового центра и одного из самых крупных рынков рабов во всей Сахаре. Путь через Помму-Бруннен вел к оазисам Кавар и далее к находящемуся на берегу озера Чад городу Кукава. Еще и сейчас в глубинных районах Великой пустыни нам попадались эти старые тропы следования караванов — «колеи», выбитые сотнями тысяч ног животных и людей, которые пересекали Сахару по доброй воле либо в качестве рабов.

Это, третье по счету, открытие Великой пустыни, совершалось медленно. Еще в 1850 г. о ней в европейских школьных учебниках говорилось: «Сахара, столица Агабли» (на самом деле так назывался крошечный оазис, затерянный в районе Ин Салаха в Ал-

жире) [17]. После первых же попыток проникнуть вглубь пустыни — попыток, многие из которых терпели неудачу, а некоторые завершались трагедиями — о ней возникло устойчивое представление: редкие колодцы, невыносимая жара, обжигающие ветры, которые вздымают в воздух облака песка, погребаящие целые караваны, миражи, львы, пантеры и гигантские змеи и в довершение всего ужасные туареги, готовые перерезать горло любому, кому удалось избежать остальных опасностей. Действительно, от рук кочевников погибло не так уж мало путешественников. Нападения на них объясняются не только «рутинной привычкой» к грабежу караванов или ненавистью к неверным, но и вполне обоснованными опасениями, что вслед за исследователями по открытым ими путям придут солдаты.

Тем не менее в 1793 г. английский археолог У. Браун стал первым европейцем, достигшим Аль-Фашира, столицы Султаната Дарфур. Эта страна, так же как и лежавший к востоку от нее Кордофан, оставалась для Европы «terra incognita», хотя они были связаны караванными путями с Эфиопией и Египтом. У. Браун, примкнув к суданскому каравану, добрался до Аль-Фашира через Асьют т.н. «сорокадневным путем» протяженностью в 1700 км, который пролегал через цепь оазисов впадины Харга, пустыни и сухие саванны. Выдававший себя за купца англичанин хотел заняться исследованиями Дарфура, но султан не разрешил ему этого. У. Браун провел в Аль-Фашире 3 года, пока в 1796 г. правитель Дарфура не разрешил ему вернуться в Египет тем же «сорокадневным путем». Написанный им отчет оставался вплоть до 20 гг. XIX столетия единственным описанием Дарфура — страны площадью 0,5 млн кв. км [10. С. 176].

В 1788 г. в Великобритании была создана Ассоциация для содействия открытию внутренних частей Африки, которая снарядила целый ряд важных экспедиций. Правда, первые организованные ею попытки проникнуть в Сахару окончились неудачей. Направленные Ассоциацией в 1788 г. два англичанина Ледъярд и Льюкас, которым было поручено достичь Гвинейского залива (первому — из Триполи, второму — из Каира), умерли в самом начале пути.

В 1808 г. немец Ф. Хорнеман, переодетый арабским купцом и вызубривший Коран, добрался до Мурзука и попытался оттуда с ежегодно направлявшимся на юг караваном достичь Борну, но скончался от болезни на Нигере в стране Нупе. В 1817 г. перед двумя англичанами Ритчи и Лайоном была поставлена задача пересечь Сахару от Триполи до Борну, но Ритчи умер в Мурзуке, а Лайон был вынужден прервать свое путешествие в Центральном Феззанае.

Первыми европейцами, которые смогли пересечь Сахару с севера на юг, стали англичане — врач К. Хью и офицеры У. Аудни и Д. Денем. При этом У. Аудни был назначен консулом в Борну, хотя ее никто из жителей Европы еще в глаза не видел. В 1822 г. они отправились из Триполи на юг и, пройдя через оазис Мурзук и преодолев 2 тыс. км, увидели сверкавшую под лучами солнца гигантскую водную поверхность озера Чад [11. С. 260–261]. У. Аудни вскоре умер от болезни, а Д. Денем и К. Хью разделились — первый остался обследовать берега Чада, а второй, отправившись в Западный Судан, побывал в Кано и Сокото. Вновь встретившись в Кукаве, они еще раз пересекли Сахару, на этот раз с юга на север, и добрались до Триполи, откуда в 1825 г. вернулись в Лондон. Путешественники определили координаты Чада и развеяли давние легенды о том, что в это озеро впадает Нигер и из него вытекает в Нил, доставили в Англию сведения о мусульманских государствах Борну, Багирми, Сокоту, населяющих их народах и городах, привезли рукопись на арабском языке, содержащую описание истории и географии государства

Такрур, автором которой был его правитель Мухаммед Хаусский. Их дневники были в 1826 г. изданы в Лондоне под заголовком «Рассказ о путешествиях и открытиях в Северной и Центральной Африке в 1822, 1823 и 1824 годах» [19].

В это время все большее внимание европейцев начинает привлекать загадочный Томбукту, слухи о красоте и несметных богатствах которого ходили по Европе еще в XIV в. Географические общества Великобритании и Франции учредили даже специальные призы для того, кто первым доберется до этого «африканского рая». Первым, кто побывал в Томбукту, стал английский офицер Г. Лэнг, достигший этого города в 1826 г. через Триполи, Гадамес и Хоггар. Но на обратном пути его караван подвергся нападению. Г. Лэнгу обещали сохранить жизнь, если он примет ислам, но англичанин отказался и был убит. Все его дневники пропали, и Томбукту продолжал оставаться загадкой для Европы.

Вернуться оттуда живым и получить премию удалось французу Р. Кайе, выдававшему себя за бежавшего из французского плена египетского солдата. Он добрался до Томбукту в 1826 г. с караваном, вышедшим из Западной Африки и насчитывавшим 1200 животных [15]. Попав в город, он был крайне удивлен тем, что дома там сделаны из глины, а не из золота, что от роскошных некогда дворцов остались развалины и что забывший о былом величии город живет лишь за счет торговли солью. На обратном пути Р. Кайе пересек Сахару в северном направлении до Танжера. Его путешествие заняло 505 дней [17].

Весьма интересные описания путешествия по пустыне из Донголы в Хартрум оставил знаменитый немецкий ученый А. Брем. На Ближний Восток он попал благодаря случаю. В конце 40-х годов XIX в. капиталист, орнитолог и к тому же аферист и авантюрист барон Дж. фон Мюллер решил совершить путешествие в Египетский Судан. Ему был нужен хороший препаратор-чучельщик, и он предложил А. Брему сопровождать себя в качестве секретаря. Поднявшись по Нилу до Донголы, путешественники решили обойти 4-й, 5-й и 6-й пороги по пустыне.

На А. Брема огромное впечатление произвели беговые верблюды — хеджины (мехари). Он пишет о хеджине как о «совершеннейшем из всех известных мне верблюдов, способном в течение суток ровной рысью пройти 5 (37 км. — А. П.), без особого усилия 10 [74 км. — А. П.], а с усилием даже до 20 немецких миль (148 км. — А. П.)» [1. С. 106].

А. Брем поэтично и абсолютно точно описывает ночевки в Сахаре: «Воздух пустыни как всегда чист и прозрачен, над нами вечным светом сияют ясные звезды. Кроме шума, производимого нашим караваном, не слышать ни одного звука: глубокая, торжественная тишина объемлет темную равнину. Маленький костер лишь на несколько шагов освещает землю; вокруг огня в различных положениях сидят и лежат нубийцы, варящие свое незатейливое кушанье: зерна дурры в воде. Вне лагеря широким полукругом расположились верблюды, они лежат со спутанными ногами и пережевывают жвачку; огонек от костра часто отражается в их блестящих глазах. Таков живописный вид кочующего каравана в пустыне. Кто бы мог описать бесконечную прелесть этой ночи, кто мог хотя бы вообразить ее, не испытав сам ее прелести! Как благодетельна прохлада ночи после трудов и зноя томительного дня» [1. С. 114].

Не все путешествие проходило благостно и тихо — исследователи попали в самум. Вот что пишет об этом А. Брем: «Днем вдруг наступает почти сумрак. Едва можно различить предметы на ста футах расстояния. В действительности должен быть полдень. Тогда с юга или юго-запада поднимается тихий горячий ветер; от времени до времени

налетают сильные отдельные порывы. Наконец завывла буря, поднялся ураган, песок крутится вверх, густые тучи застилают воздух. Если всадник вздумает стоять против ветра, его унесет вон из седла, а верблюда никакими силами не заставишь идти далее. Караван принужден остановиться. Верблюды ложатся на землю, фыркают и стонут; слышны беспокойные неправильные вздохи перепуганных животных. Арабы поспешно пристраивают все меха с водой с той стороны лежащего верблюда, которая его же телом защищена от ветра, это для того, чтобы уберечь их поверхность от иссушающего влияния сухого ветра; сами арабы как можно плотнее закутываются в свои плащи и также ищут приюта за ящиками и тюками» [1. С. 119].

В январе 1848 г. путешественники прибыли в Хартум, откуда направились в Кордофан. После этого они вернулись в Египет, а затем в 1849 г. А. Брем отправился в свою вторую экспедицию, на этот раз в Сеннар и Росерес на Голубом Ниле. Возвратившись в Хартум, он познакомился там с... двумя россиянами. Одним из них был С.Ц. Ценковский, прикомандированный Русским географическим обществом к экспедиции, возглавлявшейся инженером и дипломатом Е.П. Ковалевским и направленной в Судан по просьбе египетского паши Мухаммеда Али для поиска золота и налаживания его добычи. В 1848 г. С.Ц. Ценковский отделился от партии Е.П. Ковалевского и поселился сначала в Росересе, а затем в Хартуме. Другим оказался купец Бауэрхорст, который, получив хорошую прибыль от продажи привезенных им товаров, намеревался вернуться в Санкт-Петербург. Бауэрхорст буквально вызволил А. Брема из свалившейся на того беды. Дело в том, что Дж. фон Мюллер к этому времени обанкротился и немецкий исследователь оказался за тысячи километров от побережья Средиземного моря без средств к существованию. И тут Бауэрхорст предложил А. Брему взять его со всем багажом в Каир и заплатить за него все дорожные издержки, что позволило ученому выбраться из Судана [1. С. 568–569].

В 1849 г. делу исследования Великой пустыни была принесена очередная жертва: был убит направлявшийся из Марокко в Томбукту англичанин Дэвидсон. В то же время путешествие в следующем году из Сен-Луи в Могадор французского исследователя Л. Пана завершилось благополучно.

Экспедицией, по праву вошедшей в анналы географических открытий, стало путешествие англичанина Дж. Ричардсона и сопровождавших его немецких ученых А. Офервега и Г. Барта. Отправившись в 1845 г. из Туниса в Триполи, Дж. Ричардсон добрался затем оттуда через Гадамес до Гата и собрал сведения о туарегах. Вернувшись в Лондон, он опубликовал в 1849 г. работу в 2-х томах «Путешествия по великой пустыне Сахара» [20].

После этого он убедил правительство Соединенного Королевства профинансировать еще одну экспедицию, перед которой была поставлена задача разведать пути, ведущие от побережья Средиземного моря в Западный Судан и изучить возможность налаживания торговли с находящимися там странами. В марте 1850 г. Дж. Ричардсон, А. Офервел и Г. Барт оставили Триполи и, достигнув Мурзука, повернули на запад к оазисам, находящимся к востоку от Хоггара. Оттуда они вновь отправились к югу, пересекли плато Аир, после чего вышли из Сахары.

Их следующей целью был Чад, но Дж. Ричардсон так и не добрался до озера: 4 марта 1851 г. он умер в местечке Нгурутуа в шести днях пути от Кукавы. Г. Барту удалось доставить его дневники в Лондон, где они были опубликованы в 1853 г. под заголовком «Рассказ о миссии в Центральной Африке» [20]. После кончины Дж. Ричардсона на-

чальство над экспедицией перешло к А. Офервегу, но и он в сентябре 1852 г. умер от тропической лихорадки. Посланный, чтобы заменить Дж. Ричардсона, немец Фогель был убит в Вадае.

Оставшийся в одиночестве Г. Барт не потерял мужества и решил продолжить исследования. Он добрался до Чада, став после Д. Денема, Х. Клампертона и У. Аудни первым европейцем, увидевшим это озеро. Изучив территорию между Чадом и Нигером, Г. Барт направился, продолжая исследования, через Борну в Гат, в окрестностях которого обнаружил петроглифы, и оттуда в августе 1855 г. прибыл в Триполи. За шесть лет пребывания в Сахаре и Судане он преодолел 20 тыс. км, проделав буквально сверхчеловеческую работу [3]. Опубликованный им в 1855–1858 гг. пятитомный труд «Путешествия и открытия в Северной и Центральной Африке в 1849–1855 гг.» и сейчас рассматривается как эталон описаний Великой пустыни и Сахельской зоны [18. S. 167].

Со второй половины XIX в. исследования Сахары начинают весьма интенсивно проводить французы, которые, оккупировав Северный Алжир, стремятся теперь покорить сахарские племена и установить связь с завоеванным ими Сенегалом. В 1860 г. штабс-капитан Вэнсан исследует Адрар, в 1861 г. находящемуся на французской службе негру из Сен-Луи Бу-ль-Могдаду удается добраться через Сахару до Марокко. В 1859–1861 гг. в алжирскую Центральную Сахару сумел проникнуть А. Дюверье, описавший свои впечатления в весьма интересных работах, посвященных туарегам. Но, как и раньше, путешествия по Великой пустыне сопряжены с немалым риском. Немецкого путешественника Боерманна, отправившегося в Сахару в 1861 г. из Бенгази, убивают в 1863 г. в Канеме.

Свой вклад в исследование Великой пустыни вносили не только ученые и военные разведчики, но и авантюристы. Об этом свидетельствуют путешествия по Сахаре немца Г. Рольфа. Он вступил сначала в австрийскую армию, но служба там показалась ему, похоже, слишком «пресной». Дезертировав оттуда, он завербовался во французский Иностраннный легион. Во время четырехлетнего пребывания в Алжире, где в Орлеанвиле находилась «колыбель Легиона», он принял участие в ряде военных походов, хорошо выучил арабский язык, освоил мусульманские обряды и местные обычаи [11. С. 265]. После увольнения в 1861 г. в отставку Г. Рольфс, выдав себя за мусульманина, поступил на службу к султану Марокко как придворный и военный врач. Вместе с марокканцами он дважды переваливал через Высокий Атлас и добирался до оазисов Туат. Его мечтой было попасть в еще неизвестную европейцам Куфру. Г. Рольфс попытался сделать это, отправившись туда из Мурзука через оазисы Кавар, но был остановлен сенуситами, которые, возможно небезосновательно, приняли его за разведчика. Тем не менее ему удалось убедить их, что он преследует чисто научные цели, и в 1879 г. Г. Рольфс добрался-таки до Куфры. Он оказался увлекательным рассказчиком, а опубликованная им двухтомная книга «Через Африку» быстро стала бестселлером [11. С. 266]. Г. Рольфс оставался при этом убежденным поборником колониализма, считая, что, поскольку арабы не хотят цивилизоваться, т.е. подчиняться не своим, а французским законам, их следует загнать в пустыню, из которой они пришли [18. S. 168].

В это же время проникнуть в Сахару отважилась и первая женщина — дочь богатого голландского купца А. Тинне. Она путешествовала со столь большой свитой, что ее стали считать «дочерью короля». А. Тинне сумела достичь Мурзука, но к югу от этого оазиса караван подвергся нападению, в котором приняли участие и ее собственные проводники, и 29-летняя путешественница была убита [18. S. 169].

Существенный вклад в изучение Сахары внес немецкий военный врач Г. Нахтигаль. В 1861 г. он прибыл в Алжир, откуда перебрался в Тунис, где, став придворным врачом, хорошо изучил арабский язык и был мусульманом. В январе 1869 г. Г. Нахтигаль направился из Триполи в Мурзук, но продвинуться оттуда дальше к югу не смог: путь преградили отряды воинственно настроенных бедуинов. Тогда он решил отправиться на юго-восток в населенную тубу таинственную страну Тибести, где не побывал еще ни один европеец. Путешествие оказалось не слишком удачным — в Тибести он был ограблен, но остался жив, сумев к тому же сохранить свои путевые заметки, не заинтересовавшие грабителей. После этого Г. Нахтигаль вернулся в Мурзук и в 1870 г., закончив пересечение Сахары, достиг Борну, где прожил 3 года в качестве гостя местного султана. В 1874 г. он, отправившись в обратный путь, прошел на восток от Чада к Белому Нилу, пересек плато Дарфур и Кордофан и затем, спустившись по Нилу, вернулся в 1875 г. в Германию. Опубликованный Г. Нахтигалем в 1879–1889 гг. трехтомный труд «Сахара и Судан» дал европейским читателям возможность ознакомиться в том числе и с нагорьем Тибести, переставшим отныне быть «белым пятном» на карте Африки [11. С. 266].

Тем временем французы настойчиво пробивались через Сахару к Томбукту. Из-за упорного сопротивления не желавших подчиниться колонизаторам кочевников этот путь превратился в настоящую дорогу страданий и смерти. В 1874 г. П. Солейе, пытавшийся добраться до находящегося в группе оазисов Туат Ин Салаха, едва успел спастись бегством. В том же 1874 г., а затем в 1875 г. В. Ларжо не удалось пробиться дальше Гадамеса, а в 1877 г. он в свою очередь не смог достичь Ин Салаха. В том же году закончилась неудачей попытка капитан-лейтенанта Л. Сея проникнуть в Хоггар.

Более успешным, как казалось сначала, могло стать путешествие немецкого исследователя Э. фон Бари. Он добрался до Гата, откуда попытался проникнуть в Аир. Но здесь счастье ему изменило — он не сумел достичь поставленной цели и вынужден был в 1877 г. вернуться в Гат. Видимо, туркам его деятельность показалась подозрительной, и после обеда у губернатора Гата Э. фон Бари неожиданно умер, умудрившись, как было объявлено, выпить «плохого кофе» (остальные участники трапезы, пившие тот же самый кофе, почему-то остались в живых) [18. S. 290].

Единственным европейцем, сумевшим благополучно достичь в 1880 г. из Марокко через Томбукту Сенегала, стал в то время австриец О. Ленц.

В это время возникла идея проложить транссахарскую магистраль. Ее выдвинул французский инженер Дюпоншель, опубликовавший в 1878 г. книгу «Транссахарская железная дорога. Соединение Алжира с Суданом». Идея Дюпоншеля воспламенила общественное мнение, и, уступая его давлению, французское правительство решило направить военную экспедицию через Хоггар в Нигер и Чад, чтобы наметить трассу дороги. Сделать это было поручено полковнику Флаттеру. В начале 1880 г. он покинул Бискру, но, натолкнувшись на враждебное отношение бедуинов, не смог продвинуться дальше озера Манхуг. К концу 1880 г. Флаттер подготовил новую экспедицию, и 4 декабря 97 солдат и офицеров оставили Уарглу [17]. На этот раз им удалось пройти по уэду Миа до Хасси Инифель, затем до оазиса Амгид в Хоггаре и начать пересечение себхи Амагдор. Но около местечка Тадженут, расположенного к юго-востоку от Хоггара, отряд Флаттера был окружен туарагами и перебит до последнего человека.

Французы не отказались, тем не менее, от задачи разведать пути на юг. В 1883 г. Ф. Фу-ро добрался до гельты Айн Тейба, находящейся к западу от Игарара и в 175 км к югу от Уарглы. В 1890–1897 гг. он семь раз в одиночку пытался проникнуть дальше и семь раз

вынужден был отступить перед угрозой нападения туарегов [17]. В 1892 г. потерпели неудачу Мери и Б. д'Аттану, в 1896 г. в туниССкой Сахаре туарегами был убит маркиз де Морес, погибли насильственной смертью на пути из Гадамеса в Гат миссионеры Ришар, Мора и Пунлар. В 1886 г. в Туате был убит лейтенант М. Паля, пытавшийся добраться до Томбукту, а в 1889 г. — К. Дуль. Как констатировал Ф. Фуру: «Пересекать регулярно и в относительной безопасности страну туарегов можно, лишь опираясь и создавая по всему пути следования хорошо укрепленные посты, гарнизоном которых было бы поручено патрулировать пути: все это, естественно, если есть желание установить связь между Суданом и Алжиром» [17].

В конце XIX в. в Сахаре начали появляться российские исследователи. В 1875 г. путешествие по Ливийской пустыне совершил В.В. Юнкер, окончательно опровергший предположение о существовании там древнего русла Нила, а также обнаруживший, что находящиеся в этой зоне оазисы расположены не ниже, как считалось ранее, а выше уровня моря.

Тогда же была предпринята и первая в России попытка изучения таинственных туарегов. В феврале 1885 г. к ним по поручению Российского императорского географического общества был направлен этнограф и антрополог А.В. Елисеев. Он планировал добраться из Триполи до Гадамеса, а оттуда проникнуть в Феззан. Однако в оазисе Мансура, где попавший в самый караван потерял одного старика-купца и трех верблюдов, стало известно, о «волнениях среди туземцев впереди нас и о насилиях, которым подвергался караван, вышедший из Триполи за неделю до нашего» [4. С. 4]. Узнав об этом, караван-баши принял решение незамедлительно вернуться в Триполи.

Тем не менее, завершив свою поездку по Тунису и Алжиру, А.В. Елисеев предпринял еще одну попытку. На этот раз он смог добраться до Гадамеса после пятнадцатидневного путешествия с караваном, отправившимся из Уарглы [7. С. 238–239]. В Гадамесе А.В. Елисееву, оказывавшему медицинскую помощь туарегам, удалось познакомиться с их жизнью и бытом. Он был восхищен этими «властителями пустыни», о которых он пишет как о «свободолюбивых, гуманных, всосавших понятие о равенстве с молоком матери» людях [4. С. 42].

А.В. Елисеев дал первое в русской научной литературе описание туарегов: «Главное отличие туарега от других народов, — подчеркивает автор, — это то, что он вечно покрыт родом вуали <...> Никогда не снимает своего покрывала туарег, даже когда ест или спит <...> Одежда туарегов немудрёна и состоит из голубой блузы шерстяной материи и таковых же панталон, перетягивающихся поясом, часто красного цвета; красный, белый или голубой плащ набрасывается на плечи; амулеты, украшающие шею, пояс и грудь суеверного туарега, дополняют его наряд, так же как и оружие.

...Интересен обычай носить небольшой кинжал на левом предплечье и каменное кольцо на правом, что придает последнему силу и упор при употреблении оружия, как думают туареги. <...>

Словно могучий орел с невидимой выси поднебесья, обозревает туарег свой округ, не пропуская своим взором ни одной бегущей мышки, ни одной птички на дюнах; туарег — хозяин и властитель данной области, хотя бы она тянулась на целые сотни верст <...> Как ни однообразен местный рельеф Сахары, но туарег не потеряет в ней дороги; и земные, и воздушные, и небесные признаки равно руководят им в пути. Не только одинокая дюна, но даже пучок жидкой травы или кусочек тарфы служат для него верными вехами, как и брошенный камешек на пути или побелевший скелет вер-

блюда. Даже в случаях ночных переходов или песчаной бури не теряется туарег в пути, руководствуясь чутьем как лучшая ищейка» [4. С. 43]. Но при этом А.В. Елисеев не идеализирует туарегов, не игнорирует их роль в работорговле, пишет о набегах на юг с целью захвата рабов [4. С. 42].

Из Гадемеса путешественник намеревался проникнуть вглубь Феззана, но караван, с которым он отправился в путь, был обстрелян туарегами и вернулся назад. Получивший в этой стычке ранение в руку, А.В. Елисеев отбыл с другим караваном в Алжир, а оттуда — в Россию [4. С. 44].

Позже он попытался проникнуть в Восточный Судан, находившийся в то время под властью махдистов. Египет, писал он, особенно чувствительно относился к бунту в этой стране, и каирский сук Хан аль-Халиль «был лучшим местом, где можно было ознакомиться с событиями не из рассказов малосведущих европейцев, а со слов очевидцев» [2. С. 237]. В сентябре 1893 г. он, переодевшись арабом, отправился с четырьмя сопровождающими от Асьюта через пустыню в Омдурман. Однако его небольшой караван был ограблен, и чудом спасшемуся А.В. Елисееву пришлось вернуться назад. «Несмотря на такое печальное окончание задуманного предприятия, я не считаю его вполне бесполезным для намеченной мной цели <...> Мне удалось проехать по Ливийской пустыне <...>, добраться до области, занятой махдистами, и повернуть обратно не по недостатку решительности или инициативы, а по совершенной невозможности дальнейшего движения. Мне удалось при том все-таки видеть войников грозного Омдурманского калифа и попутно от встречных номадов и обитателей оазисов, а также некоторых туземцев, побывавших в Судане, собрать много сведений, еще не опубликованных даже англичанами» [5. С. 239]. Любопытна оценка А.В. Елисеевым значения образования махдистского государства, совершенно обоснованно расцененного им как выходящее за локальные географические и временные рамки. «Вопрос о возникновении и дальнейшем развитии царства махдистов, — писал он, — интересен для нас не с одной политической стороны, гораздо важнее и интереснее изучение его с точки зрения общечеловеческой культуры и процесса развития нового мусульманского государства, основанного на новых началах» [5. С. 239].

Эпоха одиночных путешественников, пробиравшихся, рискуя жизнями, от одного оазиса к другому, подходила к концу. Наступали иные времена. Как когда-то римляне, сооружая лимы, постепенно оттесняли гарамантов и берберские племена все дальше в пустыню, так и теперь воздвигаемые французами и итальянцами цепи фортов и опорных пунктов вытягивались на юг, позволяя устанавливать контроль над все более и более обширными территориями.

На смену путешественникам пришли геодезисты. Уже в 1900 г. батальоны военных топографов исколесили вдоль и поперек огромные пространства, нанося на карты себхи, реги, горы, уэды, караванные пути, оазисы и даже отдельные колодцы.

В 1899–1902 гг. экспедиция, возглавляемая французским офицером Ж. Тильо, провела демаркацию границ в Южной Сахаре и Западном Судане. В 1908–1909 гг. им были исследованы области к востоку и северо-востоку от оз. Чад, включая Боделе — одну из двух весьма труднодоступных впадин в Великой пустыне. В 1911–1912 гг. Ж. Тильо руководил топографическими съемками в алжирской Сахаре. В 1912–1917 гг., участвуя во французских колониальных военных экспедициях, он изучил область Борку и обширное, занимающее площадь в 100 тыс. кв. км нагорье Тибести, после чего исследовал оазисы Эрди и Эннеди. Его работы по Тибести стали настоящим открытием этого

нагорья, а результаты маршрутных съемок протяженностью ок. 10 тыс. км позволили полностью изменить представление о рельефе Центральной Сахары [11. С. 266]. Отныне изображение Великой пустыни приобрело тот вид, который воспроизводится на современных картах.

В 1919 г. было начато разграничение границ между Англо-Египетским Суданом и Французской Экваториальной Африкой. Основные работы по картированию пограничной полосы протяженностью 2,5 тыс. км были проведены французским офицером П. Бульнуа, служившим в английской армии. Работа проводилась двумя смешанными англо-французскими отрядами, один из которых осуществлял съемку приграничных зон в Сахаре, а другой — в находящихся к югу от нее районах. За 5 месяцев северный отряд, передвигавшийся на верблюдах, заснял 400 км безводной пустыни, покрытой редкими холмами [12. С. 103]. Была описана, в частности, невысокая безымянная возвышенность, откуда берет начало вади Ховар, бывшее когда-то левым притоком Нила.

Белым пятном на карте продолжала оставаться Ливийская пустыня, занимающая площадь в 2 млн кв. км. Отпугивали не только ее безводные пространства с крайне редко встречающимися колодцами, но и контроль над нею сенуситов, продолжавших упорно сопротивляться итальянским колонизаторам. Тем не менее в 1920 г., через 40 лет после Рольфа, в Куфру решила проникнуть англичанка Р. Форбс, весьма разумно заручившаяся предварительно поддержкой главы ордена Идриса ас-Сенуси. Имея на руках его «охранную грамоту», она прошла от Бенгази на юг 1 тыс. км и добралась до Куфры, оказавшейся группой из шести оазисов с возделанными полями, оливковыми деревьями, пальмами и виноградниками. К средиземноморскому побережью экспедиция вернулась новым путем, через эрг Каланшо, пройдя с топоъемкой по неизученной местности более 600 км [12. С. 106–107].

В начале 1923 г. путешествие в Куфру совершил сын египетского вельможи А. Хасанейн, до этого принявший участие в экспедиции Р. Форбс. Он провел в этом оазисе две недели, выясняя, можно ли продвинуться дальше на юг. Узнав, что там находятся два поселка — один на расстоянии шести переходов, а в четырех днях пути далее — другой, он в конце апреля покинул Куфру. Первый из оазисов обнаружить не удалось — там, где он должен был находиться, не было даже колодца. К счастью, в кавернах скал удалось собрать питьевую воду, и экспедиция смогла продолжить путь. В конце концов Хасанейн достиг горы Увейнат, на склонах которой находилась большая деревня. Исследуя окрестности оазиса, он обнаружил многочисленные петроглифы. Дальше из-за палящего зноя пришлось двигаться только ночью. Проводники несколько раз теряли дорогу, и на протяжении 40 км встретили только один колодец. Тем не менее в начале июня экспедиция, преодолев 2 тыс. км и впервые выполнив меридиональное пересечение Ливийской пустыни, достигла первого оазиса в Дарфуре и оттуда вышла на дорогу, ведущую к Нилу [12. С. 107]. Путешествие А. Хасанейна и выполненная им съемка позволили ликвидировать одно из последних «белых пятен» на карте Сахары.

Революцию в исследованиях Великой пустыни произвело появление автомашин, довольно быстро вытеснивших в экспедициях в качестве средства передвижения верблюдов. Уже в 1923 г. было осуществлено пересечение Сахары на автомобилях, а в 1924 г. А. Ситроэн организовал «Черный круиз», в ходе которого выпускаемые им машины прошли 20 тыс. км от Алжира через Французскую Западную Африку, Французскую Экваториальную Африку и Бельгийское Конго до Мадагаскара [16]. Вскоре полноприводные и полугусеничные вездеходы начали проникать в барханы. Вплоть до конца 1950-х годов

«полюсом недоступности» оставался эрг Мурзук, но затем появление мощных внедорожников позволило пересечь и его. Видимо, первыми русскими, побывавшими в центре этого эрга, стала группа из шести человек (включая автора), добравшаяся туда в сопровождении проводника на трех «Лендкрузерах» в декабре 2005 г.

Открытие Сахары было завершено съемкой со спутников, позволившей составить абсолютно точные карты всех районов Великой пустыни, в которой теперь не осталось ни одного «белого пятна».

Литература

1. Брем А. Путешествие по Северо-восточной Африке. М., 1958.
2. Даницг Б.М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965.
3. Два столетия освоения пустынь // Geo.ru, на <http://www.artkhachik.geo.ru/journalarticle/item/id/564/>.
4. Елисеев А.В. Антропологическая экскурсия в Сахару через Триполи, Тунис, Алжир: Сообщение, сделанное в общем собрании И. Р. Географического общества 1 мая 1885. СПб., 1885.
5. Елисеев А.В. По белу свету: Очерки и картины из путешествия по трем частям Старого света. СПб., 1898. Т. IV.
6. Кобищанов Ю.М. Туареги в истории Африки // Лот А. Туареги Ахаггара. М., 1989.
7. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV.
8. Лев Африканский. Африка. Третья часть света. Л., 1983.
9. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М., 1982. Т. I. Географические открытия народов Древнего мира и средневековья (до плавания Колумба).
10. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М., 1984. Т. III. Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII–XVIII вв.).
11. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М., 1985. Т. IV. Географические открытия и исследования нового времени.
12. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М., 1986. Т. V. Новейшие географические открытия и исследования.
13. Ольдерогге Д.И. Предисловие // Лев Африканский. Африка. Третья часть света. Л., 1983.
14. Торговый путь через Сахару, на <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%>.
15. African History: African explorers, on <http://africanhistory.about.com/library/weekly/aa06250/a.htm>.
16. Andonin-Dubreuil A. La Croisière Noire. // Sur les Traces des Explorateurs du XIXe Siècle, sur <http://www.priceminister.com/offer/buy/3297634/Andonin-Dubreuil-Ariane-La-Croisiere-Noire>.
17. L'exploration du Sahara. // Les Traverses du Temps, sur <http://www.cosmovisions.com/Chrono-SaharaExplo.htm>.
18. Göttler G. Libyen: Von Leptis Magna Zum Wau an Namus. Leck, 1995.
19. <http://hronos.km.ru/biograf/bio-k/klaperton.html>.
20. James Richardson (explorer of the Sahara), on [http://en.wikipedia.org/wiki/James_Richardson_\(explorer_of_the_Sahara\)](http://en.wikipedia.org/wiki/James_Richardson_(explorer_of_the_Sahara)).
21. Krämer W. Neue Horizonte. Das Zeitalter der Großen Entdeckungen. Leipzig; Jena; Berlin, 1972.